

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Ты меня бeсишь

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Ты меня бесишь / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Оборотень-циник и изгой без права голоса. Чтобы спасти Лиру от верной гибели, Дэймону пришлось назвать её своей женой. Формально. Фиктивно. Временно. Но их тела думают иначе. С каждым днем грань между ненавистью и одержимостью стирается. А когда в Лире просыпается древний, пугающий дар, который может уничтожить или возвысить их обоих, Дэймон понимает: он готов на всё. Даже признать то, что отрицал всю жизнь — она его истинная. Но не поздно ли? Книга участвует в литмобе «Изгой для альфы»

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

Гул басов проникал сквозь стены элитного клуба даже на стоянку, заставленную дорогами внедорожниками с тонированными стеклами. Нейтральная территория. Здесь не действовали законы стай, только закон денег и грубой силы, прикрытой лоском. Здесь пахло дорогим алкоголем, французскими духами и феромонами. Тяжелыми, дразнящими, от которых у любого оборотня инстинктивно обострялся нюх, а в крови начинал бурлить адреналин.

Дэймон сидел в своём обычном углу VIP-ложи, возвышавшейся над основным залом. Черная кожа дивана, янтарный напиток в стакане, ленивый, почти скушающий взгляд. Отсюда, сверху, был виден весь этот балаган, который он про себя называл «ярмаркой тщеславия и инстинктов».

Внизу на танцполе парочки волков терлись друг о друга, в танце пытались уловить ту самую искру. Кто-то уже не церемонился, прижимая партнерш к стенам, впиваясь в губы поцелуями, полными надежды наткнуться на «ту самую». Дэймон хмыкнул, сделал глоток виски, обжигая горло.

«Истинность, — подумал он, с легкой брезгливостью наблюдая за молодым волком, который, задрав голову, откровенно принимался к проходящей мимо девушке. — Сказка для щенков, чтобы оправдать собственную распущенность и нежелание искать нормальную партнершу. Способ списать животную похоть на судьбу.»

Он знал цену таким сказкам. Его родители были истинной парой. И что? Мать умерла, когда ему было десять, отец спился с горя и погиб в дурацкой драке через пару лет. Истинность не спасла их. Она просто сделала боль от потери невыносимой, отравленной навсегда. С тех пор Дэймон усвоил урок: никаких уз. Короткие связи, которые не оставляют шрамов в душе. Потребности тела можно удовлетворить и без сопливых обещаний вечности.

Сегодняшний вечер был особенно тоскливым. Партнеры по бизнесу, которых он тут встретил, оказались скучными, выпивка — привычной, а охота в зале — унылой. Ни одной интересной самки, от которой хотя бы мелькнула мысль не просто сбросить напряжение, а задержаться дольше, чем на одну ночь.

Он поставил стакан на стол. Пожалуй, пора валить. Вызвать такси, пусть машину забирают завтра. Искать себе развлечение на ночь в этом серпентарии не хотелось. Настроение было паршивым.

Дэймон поднялся, одернул пиджак и, не прощаясь, направился к лестнице, ведущей на первый этаж к служебному выходу.

Лира старалась дышать ровно, но сердце колотилось где-то в горле. Барная стойка в тени колонны казалась ей единственным безопасным местом в этом аду из кожи, блесков и неприкрытых желаний. Она сжала в кулаке край своей простой джинсовой куртки — единственное, что не выдавало в ней чужачку среди этих холеных хищниц в шелке.

Она была здесь не по своей воле. Бета, мужлан с масляными глазками, приказал: «Сходишь, Лира. Информатор будет у черного входа в полночь. купишь сведения и сразу назад. Ты мелкая, незаметная, никто не обратит внимания». Конечно, никто. Потому что она изгой. Омега без дара, без связей, без права голоса. Пушечное мясо для грязных поручений.

И она пошла. Потому что выбора у неё не было.

Информатор, худой тип в дешевом костюме, ждал её в подсобке за кухней. Все было как обычно: он протянул руку за конвертом с деньгами, она ждала, когда он отдаст флешку.

А потом раздался глухой хлопок. Тело информатора дернулось, из спины брызнуло чем-то теплым, и он мешком осел на грязный пол.

Лира замерла. В голове билась одна мысль: «Это подстава.»

Крики на кухне, топот ног. Чьи-то чужие, агрессивные запахи — оборотни, не из её стаи, явно ищейки. Они не спрашивали, они просто искали.

Лира рванула прочь из подсобки, врубившись в толпу на танцполе, как испуганная лань. Расталкивая локтями подвыпившие парочки, она пробиралась к выходу, но вдруг услышала за спиной:

— Стоять, мелкая!

Её узнали. Или просто погнались за любой, кто выбежал с места убийства. Ноги сами понесли её к лестнице — туда, где было меньше народу, где, кажется, был запасной выход. Она влетела на ступеньки и...

Врезалась в стену. Нет, не в стену. В грудь. Каменную, широкую, от которой пахло дорогим парфюмом, виски и дикой, сдерживаемой силой.

Дэймон как раз спустился на пару ступеней, когда в него буквально влетело это недо-разумение. Маленькое, взъерошенное, с глазами, полными животного ужаса. Он машинально выставил руку, чтобы грубо оттолкнуть нахалку, которая посмела коснуться его.

Но в момент касания мир вокруг взорвался.

Это не было просто касанием. Это было короткое замыкание в нервных окончаниях. Разряд молнии, ударившей прямо в позвоночник и взорвавшейся в паху. Жар, дикий, всепоглощающий жар, разлился по венам, сжигая всю многолетнюю броню цинизма и скуки. В груди зарычал волк — не просто зарычал, взбесился, забился в истерике, требуя одного: «Моё!»

Дэймон впервые в жизни потерял дар речи. Его тело, всегда подчинявшееся только ему, замерло, признавая в этой испуганной девчонке что-то большее, чем случайную прохожую.

Лира подняла глаза и наткнулась на взгляд, от которого у неё подогнулись колени. Холодные, стальные глаза, в которых сейчас полыхало что-то первобытное, голодное, опасное. Она вцепилась в его пиджак, чувствуя под пальцами тугую силу мышц, и прошептала, с ужасом понимая, что только что выпрыгнула из огня да в полымя:

— Пожалуйста...

Сзади раздался крик преследователей. Они были совсем близко.

Не думая, повинаясь только инстинкту самосохранения, Лира сделала единственное, что могло сбить их со следа в этом мире, помешанном на запахах. Она рванула его на себя, привстала на цыпочки и впиалась в его губы поцелуем.

Она ожидала, что он оттолкнет её. Ударит. Убьет. Но вместо этого на долю секунды мир замер. Его губы были жесткими, горячими, пахли виски и мятой. А потом он перехватил инициативу.

Это был не поцелуй. Это было завоевание. Его рука собственнически сжала её затылок, пальцы запутались в волосах, прижимая, не давая отстраниться. Язык вторгся в её рот властно, глубоко, пробуя, изучая, сметая. Лира забыла, как дышать. От него пахло грозой, лесом и чем-то таким, отчего внутри всё сжималось в тугой узел, а тело предательски таяло, несмотря на страх.

Преследователи выбежали на лестничную площадку, скользнули по ним взглядом — парочка, увлеченная друг другом, мало ли таких в клубе — и пробежали мимо, к главному выходу.

Как только звук их шагов стих, Дэймон грубо оторвал её от себя. Оттолкнул так, что она ударилась спиной о перила.

Лира перевела дух, чувствуя, как горят губы, и машинально, рефлексивно, вытерла их тыльной стороной ладони. Словно пыталась стереть с себя его прикосновение, его запах, эту унижительную слабость в коленях.

Это движение резануло Дэймона острее ножа. Никогда. Ни одна женщина не смела вытираться после него. Никогда. Это было оскорбление его альфа-сущности на таком глубоком уровне, что гнев смешался с чем-то еще, незнакомым и пугающим.

— Ты вообще понимаешь, кто я? — прорычал он, нависая над ней скалой. Его голос, низкий и вибрирующий от ярости, казалось, сотрясал воздух.

Лира, хотя внутри у неё всё дрожало, вскинула подбородок. Если умирать, так с гордо поднятой головой. Эта привычка выработалась годами унижений в стае — показывать слабость нельзя, затопчут.

— А ты понимаешь, что сейчас умрешь, если не поможешь? — огрызнулась она, сверкая глазами. В них плескался страх, но и вызов тоже. Настоящий, волчий вызов.

Дэймон замер. На него смотрела не жертва. На него смотрела волчица. Загнанная в угол, но готовая кусаться. Её запах — страх пополам с чем-то сладким, дурманящим — бил в ноздри, будоража зверя внутри сильнее любого феромона.

Любопытство. Дикое, нездоровое любопытство к этой наглой, вытирающей губы девчонке, затмило гнев. Кто она? Почему его тело реагирует на неё так, как не реагировало ни на кого? И главное — почему его бесит, что она его боится, но дерется?

— Пошли, — рявкнул он, схватив её за запястье.

— Отпусти! — она дернулась, пытаясь вырваться. — Я никуда с тобой не пойду!

— Пойдешь, — отрезал он, без усилий таща её за собой к выходу, игнорируя её сопротивление. — Если хочешь дожить до утра. Или предпочитаешь, чтобы тебя нашли в канаве с перерезанным горлом те, от кого ты бежишь?

Она дернулась еще раз, но хватка была железной. Лира лихорадочно соображала. Он прав. Если её поймут те, кто убил информатора, ей не поздоровится. А этот... От него пахло силой. Настоящей, абсолютной властью. Может, с ним она будет в безопасности? Хотя бы на ближайший час.

— Руку отпусти, — прошипела она сквозь зубы. — Я пойду сама.

Дэймон усмехнулся, но хватку ослабил, переведя руку ей на талию, якобы поддерживая, но на самом деле фиксируя. Контролируя. Он списал дикую ломку в теле, странное возбуждение и злость на гормоны и адреналин. Просто необычная ночь. Завтра он выяснит, кто она, и вышвырнет вон. Проблема решена.

Но где-то в глубине души, там, где жил его волк, уже зарождалась паника. Потому что волк знал: вышвырнуть её не получится. Никогда.

Глава 1

Ночной город расплывался за тонированными стеклами внедорожника цветными пятнами — неон вывесок, золото фонарей, кроваво-красные огни стоп-сигналов. Лира сидела на заднем сиденье, вжимаясь в дверь, пытаясь создать хоть какое-то расстояние между собой и мужчиной, который занял больше половины салона одним своим присутствием.

Он не смотрел на неё. Сидел, откинувшись на спинку, положил руку на подлокотник, и его длинные пальцы почти касались её бедра. Почти. Это «почти» сводило с ума хуже любой пытки. Лира ловила себя на том, что смотрит на эти пальцы — сильные, с аккуратными, но явно мощными фалангами, и в голову лезли совершенно неуместные мысли. Как бы она ни старалась их отогнать.

Молчание давило. В машине пахло кожей, его парфюмом — древесным, терпким, с горьковатой нотой бергамота — и ещё чем-то, неуловимо опасным. Диким. Запах хищника, который только что взял след.

— Куда мы едем? — спросила Лира, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он повернул голову. В полумраке салона его глаза блеснули холодным серебром — зрачки были расширены, но не от недостатка света. От возбуждения. Хищного, голодного возбуждения, от которого у Леры внутри всё сжалось в тугую узел.

— Ко мне, — ответил он коротко. Голос низкий, вибрирующий, отдающийся где-то внизу живота.

— Я не собираюсь... — начала она, но он перебил, даже не повышая тона:

— Собираешься. Если хочешь жить.

Лира стиснула зубы. Спорить бесполезно. Она только что видела, как убили человека. Её подставили. Свои же, из её стаи, подставили её, как пешку, которую не жалко сбросить с доски. А этот... Этот хотя бы не убил её на месте. Пока.

Она покосилась на мужчину. Мощный профиль, резкая линия челюсти, темные волосы, уложенные назад, но сейчас выбившаяся прядь падала на лоб, делая его моложе и опаснее. Он был красив той тяжелой, грубой красотой, от которой у нормальных девушек подкашиваются колени. Лира всегда считала себя ненормальной.

Внедорожник нырнул в подземный паркинг элитной высотки в центре города. Охрана на въезде козырнула, узнав машину. Лира насчитала три уровня защиты, прежде чем они остановились на личном, отдельном парковочном месте, отгороженном от остальных стеклянной перегородкой с электронным замком.

«Бежать некуда», — мелькнула холодная мысль.

Он вышел первым, даже не взглянув, последует ли она за ним. Лира помедлила секунду, оценивая расстояние до лифта, до пандуса, до... До чего? Она понятия не имела, где выход. И даже если найдет, эти стены напичканы охраной, как торт кремом.

Пришлось идти за ним.

Лифт был отдельный, частный, с зеркальными стенами и панелью без кнопок — только считыватель отпечатка пальца. Он приложил руку, и кабина плавно поползла вверх. На сорок четвертый этаж.

В замкнутом пространстве его запах стал невыносимым. Он заполнял легкие, проникал под кожу, смешивался с её собственным страхом и, чёрт возьми, с чем-то ещё. С чем-то, от чего тело начинало жить своей жизнью, вопреки здравому смыслу. Лира ненавидела себя за эту реакцию. Стояла, вцепившись в ремешок своей дешевой сумки, и смотрела в пол, лишь бы не встречаться с его глазами в зеркалах.

Двери открылись прямо в прихожую. И Лира забыла, как дышать.

Пентхаус был огромным. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на весь ночной город — море огней, рассыпанных у ног. Минимализм, холодный металл, стекло, черная кожа. Ничего лишнего. Ничего тёплого, живого. Как музей современного искусства. Или как очень дорогая клетка.

— Проходи, — бросил он, сбрасывая пиджак прямо на пол, и направился к бару, встроенному в стену из черного мрамора.

Лира не двинулась с места. Она лихорадочно сканировала пространство: окна (не открываются, наверное), двери (одна, вторая — спальни?), вентиляция (слишком узко). Охраны видно не было, но она чувствовала их — там, за дверью служебного лифта, наверняка сидит кто-то.

— Я сказал, проходи, — повторил он, наливая себе виски в широкий стакан. — Или предпочитаешь стоять там, как нашкодивший щенок?

— Я тебе не щенок, — огрызнулась Лира, но всё же сделала шаг вперед, вглубь этого стерильного великолепия.

Он усмехнулся. Коротко, без веселья.

— Это мы еще посмотрим.

Она прошла к дивану, но садиться не стала. Встала у окна, спиной к свету, чтобы видеть его, а он видел только её силуэт. Маленькая тактическая хитрость.

Он плеснул виски во второй стакан и поставил на стеклянный столик перед диваном.

— Пей. Выглядишь так, будто тебя сейчас ветром сдует.

— Не хочу.

— Я не спрашивал, — его голос стал жестче. — Садись и пей. Нам нужно поговорить.

Лира подумала, что отказываться глупо. Ей действительно нужно было успокоиться, привести мысли в порядок. Она села на край дивана, взяла стакан, сделала маленький глоток. Обжигающая жидкость покатила по горлу, оставляя за собой тепло. Виски был дорогим, сложным, с нотами дыма и сухофруктов. Она почти не пила алкоголь, но сейчас он был кстати.

Мужчина сел напротив. В кресло. Не рядом. Это было важно — он держал дистанцию. Но его взгляд... Взгляд не отпускал ни на секунду. Ощупывал, изучал, раздевал.

— Имя, — коротко спросил он.

— Лира.

— Полное.

— Лира. Без фамилии. Я изгой, — она решила не врать. Врать такому, как он, бесполезно. Он всё равно почует ложь.

Он приподнял бровь. В этом движении было столько высокомерного превосходства, что захотелось врезать.

— Из какой стаи?

— «Серая Ветвь». Слышал о такой?

Он усмехнулся уже открыто, презрительно.

— Помойка на окраине. Там даже альфы нормального нет, так, шавки.

— А ты у нас, значит, альфа чистокровный? — огрызнулась Лира, не сдержавшись. — Из «Черного клыка»? Слышала. Ваша стая славится тем, что вы скорее бизнесмены, чем волки. Счет в банке важнее, чем сила?

Он замер. В комнате резко упала температура. Воздух стал вязким, тяжелым, наполненным угрозой. Лира физически ощутила, как от него волнами расходится давление — альфа-давление, которое должно было заставить её поджать хвост и заткнуться.

Но она не поджимала. Сидела, глядя ему прямо в глаза, хотя внутри всё дрожало от напряжения. В стае «Серая Ветвь» её травили годами. Она привыкла терпеть и не показывать слабость. На этого высокомерного красавчика её терпения тоже хватит.

— Ты либо очень смелая, — медленно произнес он, — либо очень глупая.

— Я реалистка, — отрезала Лира. — Ты меня сюда притащил. Убьешь — убьешь. Но пока я жива, не рассчитывай, что я буду лизать тебе руки.

В его глазах мелькнуло что-то странное. Не гнев. Любопытство?

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он. — Допустим, ты реалистка. Рассказывай, реалистка, что ты делала в том клубе и почему за тобой гнались люди Крона.

— Люди Крона? — переспросила Лира, и это прозвучало искренне, потому что она действительно не знала. — Я не знаю никакого Крона.

— Крон — альфа стаи «Стальные Волки». Мои конкуренты. И труп в подсобке, от которого ты бежала, — его человек. Информатор, который работал на меня.

Лира похолодела. Вот оно. Вот почему её подставили так грубо и топорно. Бета, пославший её, явно работал на Крона. Хотел, чтобы её поймали на месте убийства человека Дэймона. Чтобы развязать конфликт между стаями. Или просто чтобы убрать неугодную омегу, которую не жалко.

— Я не убивала его, — сказала она твердо. — Меня послали за информацией. Бета сказал, что нужно встретиться с информатором и купить данные. Я пришла, а его сразу убили.

— И ты, наивная дуручка, решила, что тебе это сойдет с рук?

— Я решила бежать, идиот! — не выдержала Лира. — Что ещё прикажешь делать, когда рядом с тобой падает труп, а с кухни ломаются какие-то мордовороты?

Он смотрел на неё, и в его взгляде появилось что-то новое. Оценка. Переоценка.

— Ты понимаешь, что твой бета тебя подставил?

— Догадываюсь, — огрызнулась Лира. — Я не так глупа, как кажусь. И не так наивна. Просто у меня не было выбора. Когда ты изгой в стае, тебе не спрашивают, хочешь ты идти на задание или нет. Сказали идти — пошла.

Он молчал долго. Смотрел на неё сквозь полуопущенные веки, постукивая пальцем по подлокотнику кресла. Лира вертела в пальцах стакан, стараясь не смотреть на него, но краем глаза всё равно замечала каждое его движение.

— Ты врешь, — наконец сказал он. — Но только наполовину.

— С чего ты взял?

— С того, что, если бы ты была шпионкой Крона, ты бы не вцепилась в меня в клубе как в последнюю надежду. Ты бы повела его людей на меня. А ты, наоборот, спряталась. Использовала меня, чтобы сбить их со следа.

Лира усмехнулась, горько.

— Умный какой. Долго доходило?

Он резко поднялся. В одно движение, без усилия, плавно и хищно. Лира внутренне сжалась, но не отшатнулась. Он подошел к окну, встал к ней спиной, глядя на город.

— Допустим, я тебе верю. Допустим, ты действительно пешка в чужой игре. Но это ничего не меняет.

— Почему?

Он обернулся. И в его глазах было что-то такое, от чего у Леры перехватило дыхание.

— Потому что ты здесь. Ты видела мое лицо. Ты знаешь, где я живу. Даже если ты не шпионка, тебя могут использовать. Или ты сама, когда испугаешься, побежишь сливать информацию моим врагам, чтобы спасти свою шкуру.

— Я не такая, — тихо сказала Лира.

— Все так говорят, — усмехнулся он. — Пока не прижмет.

Он сделал шаг к ней. Потом еще один. Лира вскочила с дивана, попятилась, но уперлась спиной в холодное стекло панорамного окна. Он подошел вплотную. Так близко, что она чувствовала жар его тела, видела пульсирующую жилку на шее, слышала его дыхание — ровное, спокойное, в отличие от её сбитого, панического.

— Знаешь, что мы делаем с теми, кто представляет угрозу для стаи? — спросил он тихо. Голос его звучал вкрадчиво, почти ласково, и от этой ласковости мурашки бежали по коже.

— Убиваете? — выдохнула Лира.

— Иногда, — он склонил голову набок, рассматривая её как диковинного зверька. — Но сначала мы проверяем. Долго. Тщательно. И, если ты не шпионка, если ты просто случайнолезла в наши дела, то, возможно, я найду для тебя другое применение.

Его рука поднялась и легла на стекло рядом с её головой. Он почти касался её, но не дотрагивался. И это было хуже любых прикосновений. Лира чувствовала его запах так остро, что кружилась голова. Древесный, терпкий, дикий. Запах альфы. Запах хищника, который взял след и не отпустит.

— Какое применение? — спросила она, и голос предательски дрогнул.

— Пока не знаю, — он скользнул взглядом по её губам, по шее, ниже, туда, где под простой джинсовой курткой бешено колотилось сердце. — Посмотрим.

Это был вызов. Проверка. Он ждал, что она испугается, отведет взгляд, задрожит. Лира прекрасно понимала эту игру. Альфа давит, подчиняет, ломает. Она видела такое сотни раз в своей стае — слабые ломались, сильные выживали.

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. В упор. Не моргая. Сердце колотилось где-то в горле, но она не отводила взгляда.

— Чего ты добиваешься? — спросила она тихо, но твердо. — Хочешь, чтобы я упала на колени и умоляла? Не дождешься.

В его глазах мелькнуло удивление. Искреннее, живое. Он явно не ожидал такой реакции. Эта мелкая, тощая, одетая в дешевую джинсу волчица не просто огрызалась, она смотрела на него как на равного. Как на противника.

И это зацепило.

— Ты не боишься меня, — сказал он, и это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта. С ноткой недоверия.

— Боюсь, — честно ответила Лира. — Но я всю жизнь боялась. Боялась бегу, боялась альфу, боялась, что меня выкинут на улицу, боялась сдохнуть с голоду. Страх — это топливо, на котором я езжу. Но он меня не ломает.

Он молчал. Смотрел на неё, и в этом взгляде было что-то новое. То ли уважение, то ли интерес. То ли и то, и другое.

А потом всё изменилось.

Он шагнул еще ближе. Теперь между ними не было расстояния. Его грудь почти касалась её груди, его бедро прижималось к её ноге, его дыхание обжигало губы. Лира вжалась в стекло спиной, но отступать было некуда. Она подняла руки, уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь создать хоть какое-то пространство.

— Что ты делаешь? — выдохнула она.

— Проверяю теорию, — его голос сел, стал ниже, хриплым.

Он наклонил голову и вдохнул запах её волос. Медленно, глубоко, с закрытыми глазами. Лира замерла, чувствуя, как его нос скользит по её виску, по шее, останавливается там, где бьется пульс.

— Ты пахнешь... — выдохнул он, и в его голосе появилось что-то дикое, неконтролируемое. — Ты пахнешь так, что я схожу с ума.

Это не было комплиментом. Это было признание поражения. И Лира, несмотря на страх, вдруг поняла, что происходит нечто гораздо более серьезное, чем просто проверка.

Его рука, та, что упиралась в стекло, переместилась. Легла на её талию. Пальцы сжались, впиваясь в ткань куртки, притягивая ближе. Он открыл глаза, и Лира утонула в этом серебре. В них не было холода. Там полыхало пламя.

— Отпусти, — прошептала она, но это прозвучало жалко, невесомо.

— Не могу, — выдохнул он ей в губы. И поцеловал.

Это не было похоже на тот, первый поцелуй в клубе. Там была игра, там было прикрытие. Здесь была правда. Грубая, жестокая, неконтролируемая правда инстинкта. Его губы смяли её губы, язык вторгся в рот, требуя, забирая, подчиняя. Его рука на талии сжалась до боли, вторая зарылась в волосы, запрокидывая голову, открывая шею для укуса.

Лира должна была сопротивляться. Должна была ударить, оттолкнуть, закричать. Вместо этого её руки сами скользнули вверх по его груди, обвили шею, пальцы зарылись в его волосы. Тело предало её с потрохами. Оно плавилось в его руках, отвечало на поцелуй, прижималось ближе, требуя продолжения.

Он оторвался от её губ, чтобы вдохнуть, и тут же впился поцелуем в шею — туда, где билась жилка. Горячо, влажно, остро. Лира выгнулась, запрокинув голову, чувствуя, как тает последняя воля.

— Ты моя, — прохрипел он, вжимая её в стекло так, что оно, кажется, жалобно скрипнуло. — Слышишь? Ты моя.

И в этом «моя» было всё. Собственничество, страсть, одержимость. И угроза. Потому что он не спрашивал. Он брал.

Лира вдруг представила, что будет дальше. Он возьмёт её прямо здесь, у окна, на виду у всего города. Использует как игрушку, а потом выбросит. Потому что для таких, как он, она — всего лишь тело. Всего лишь самка, которая случайно зацепила его нюх.

Эта мысль отрезвила, как пощёчина.

Нет. Чёрта с два. Она не будет очередной подстилкой высокомерного альфы, который привык получать всё, что захочет. Она изгой, но она не вещь.

В одно движение, резко, неожиданно, Лира высвободила руку, сжала кулак и с размаху врезала ему коленом в пах.

Дэймон охнул, согнулся, хватка ослабла на секунду. Лира рванулась в сторону, к выходу, но он, даже оглушенный болью, успел перехватить её за руку. Дёрнул на себя. Она влетела в него, потеряла равновесие, но успела вцепиться зубами в его предплечье — туда, где под тонкой тканью рубашки чувствовалась горячая кожа.

Она кусала по-настоящему. Со всей злостью, со всей обидой, со всем отчаянием загнанного зверя. Во рту появился вкус крови — тёплой, солоноватой, металлической.

— Ах ты ж... — выдохнул он, отшвыривая её от себя.

Лира отлетела к дивану, упала, тут же вскочила на ноги, готовая бежать, драться, кусаться дальше. Её трясло. Губы были разбиты в кровь (свою или его?), дыхание сбилось, сердце колотилось как бешеное.

Дэймон стоял, прижимая руку к прокушенному месту, и смотрел на неё. В его глазах бушевала буря. Ярость. Боль. И изумление. Чистое, детское изумление.

Никто. Ни одна женщина за всю его жизнь не посмела ударить его. Никто не кусал его до крови. На него смотрели с обожанием, с желанием, со страхом. Но никогда с такой дикой, отчаянной злостью.

Она стояла перед ним, взъерошенная, с бешеными глазами, с капелькой крови на губе, и была прекрасна. Прекрасна той животной, некультуренной красотой, от которой его волк внутри буквально вылет от восторга.

— Ты... — начал он, но голос сорвался. Пришлось прокашляться. — Ты вообще понимаешь, что только что сделала?

— Защищалась, — выдохнула Лира, готовая к новому нападению. — Ещё раз подойдёшь — ударю сильнее.

Он смотрел на неё и чувствовал, как губы сами собой растягиваются в усмешке. Впервые за долгие годы ему было действительно интересно. Эта мелкая, никчёмная на первый взгляд изгой оказалась крепче, чем все холёные волчицы его стаи, вместе взятые.

— Ты ненормальная, — сказал он, и в голосе вместо злости проскользнуло что-то похожее на восхищение. — Совсем с головой не дружишь?

— Это ты не дружишь, если думаешь, что я позволю себя трахнуть, как какую-то... — она задохнулась от гнева, не в силах подобрать слово.

— Как омегу без дара? — закончил за неё он. — Как изгоя? Как ту, кто здесь никто?

Она промолчала, но её взгляд сказал всё.

Дэймон медленно, стараясь не делать резких движений, опустился в кресло. Сегодняшняя ночь переставала быть просто странной. Она становилась исторической. Впервые в жизни он встретил женщину, которая не просто не боялась его, а была готова драться насмерть за свою независимость. И эта женщина, по злой иронии судьбы, оказалась его истинной.

Он всё ещё отрицал это. Отказывался принимать. Но тело знало правду. Рука, которую она прокусила, горела огнём, и этот огонь разбегался по венам, заставляя сердце биться чаще.

— Ладно, — сказал он наконец. — Ты победила. В этом раунде.

Лира не расслабилась. Стояла в боевой стойке, готовая ко всему.

— Я не собираюсь тебя насиловать, — добавил он жёстко. — Мне такие не нужны, которые только под давлением. Мне интересно, когда женщина сама хочет.

— Я никогда не захочу тебя, — выплюнула Лира.

Он усмехнулся, глядя на неё. Усмехнулся так, что у неё внутри всё перевернулось.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим.

Он поднялся, подошёл к интеркому на стене, нажал кнопку.

— Подготовьте гостевую комнату, — приказал он коротко. И обернулся к Лире. — Сегодня ты моя гостя. Завтра решим, что с тобой делать. Попытаешься сбежать — охрана поймает. Они у меня не такие добрые, как я.

Она хотела огрызнуться, но сил уже не было. Адреналин схлынул, оставляя после себя дрожь и слабость.

— Мне нужно в душ, — сказала она глухо.

— Иди, — он махнул рукой в сторону коридора. — Вторая дверь направо. Свежее бельё в шкафу.

Лира пошла. Проходя мимо него, буквально кожей чувствовала его взгляд. Жаркий, тяжелый, собственнический.

— Лира, — окликнул он, когда она уже взялась за ручку двери. — Она замерла, не оборачиваясь. — Ты храбрая, — сказал он тихо. — Очень храбрая. Или очень глупая. Я ещё не решил. Но запомни: здесь ты в безопасности. От Крона, от своей стаи, от всех. Я не убиваю своих гостей. Пока.

Она обернулась. Посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— А кто я тебе? Гостя или пленница?

— А это как ты себя поведешь, — ответил он, и в его глазах блеснул тот самый опасный огонёк. — Спокойной ночи, Лира.

Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной, сползла на пол и закрыла лицо руками. Её трясло. От страха, от злости, от того невыносимого притяжения, которое она чувствовала к этому мужчине, несмотря на всё, что он сделал.

«Что со мной происходит? — думала она в отчаянии. — Почему моё тело откликается на него, когда разум кричит «Беги!»?»

Она не знала ответа. Но чувствовала: эта ночь изменила всё. И обратной дороги нет.

В гостиной Дэймон стоял у окна, глядя на ночной город, и сжимал прокушенную руку. Рана уже затягивалась — волчья регенерация работала быстро. Но след останется. Шрам останется.

Он поднёс руку к лицу, вдохнул запах её слюны, её крови, смешавшийся с его собственной. Закрыв глаза. Волк внутри довольно зарычал, сворачиваясь клубком.

— Ты моя, — прошептал он в пустоту. — Рано или поздно ты это примешь. И тогда...

Он не договорил. Потому что сам не знал, что будет тогда. Знал только одно: он не отпустит её. Никогда.

Книга участвует в литмобе «Изгой для альфы».

С остальными участниками литмоба вы можете познакомиться по ссылке:

<https://litnet.com/shrt/oMyq>

Глава 2

Ли́ра проснулась от собственного крика.

Она села на кровати, хватая ртом воздух, и несколько секунд не могла понять, где находится. Белые простыни, панорамное окно во всю стену, за которым разгорался серый городской рассвет, тишина, нарушаемая только гулким стуком собственного сердца.

Пентхаус. Дэймон. Ночь.

Воспоминания нахлынули волной — поцелуй у окна, его руки, её укус, вкус крови во рту. Ли́ра провела ладонью по лицу, прогоняя остатки кошмара. Ей снилась её стая. Бега с его масляными глазками, равнодушные лица сородичей, и она, бегущая по бесконечному тёмному коридору, откуда нет выхода.

Глубокий вдох. Выдох.

Она жива. Она в безопасности. Пока.

Комната, в которую её определили, оказалась гостевой спальней, но по меркам Ли́ры это были королевские апартаменты. Широкая кровать с бельём такой мягкости, какого она в жизни не касалась, ванная комната с мраморным полом и душем, из которого лилась горячая вода без перебоев (в её общаге горячую давали по расписанию), и даже халат — пушистый, белый, пахнущий кондиционером.

Она воспользовалась душем с каким-то остервенелым наслаждением, словно пыталась смыть с себя не только пот и грязь вчерашнего вечера, но и страх, и унижение, и этот невыносимый запах — его запах, въевшийся, кажется, под кожу.

Халат она надела, но затянула пояс туго-натуго, как броню. Свою одежду — дешёвую джинсовку, простую футболку, поношенные джинсы — нашла аккуратно сложенной на стуле. Кто-то заходил, пока она спала? Мысль была неприятной, но Ли́ра отогнала её. Если бы хотели убить, убили бы во сне.

Она оделась в своё, родное, и это придало немного уверенности. В этой одежде она снова стала собой — Лирой, изгоем, волчицей без дара, которая привыкла выживать. А не той потерянной девушкой, что стояла вчера у окна в чужом халате.

Из-за двери доносились голоса. Мужские. Не один, несколько. Ли́ра замерла, прислушиваясь. Обратни — их слух позволял разбирать слова даже через звукоизоляцию.

— ...мы не уйдём без неё. Это дело чести нашей стаи.

Ли́ра похолодела. Голос принадлежал бете её стаи. Тому самому, что послал её на верную смерть. Рихард. Мерзавец с лицом хорька и душой предателя.

— Мне плевать на честь твоей помойки, — лениво, с привычной скукой в голосе ответил Дэймон. — Объясни внятно, чего ты хочешь, и проваливай.

— Мы требуем выдачи преступницы. Волчицы по имени Ли́ра. Она обвиняется в краже родового артефакта стаи «Серая Ветвь».

Кража? Артефакт? Ли́ра чуть не рассмеялась вслух. Да в их стае отродясь никаких артефактов не было. Нищие, как церковные крысы, они до сих пор собирали дань с ближайших ферм, чтобы прокормиться. Единственная ценность, которая у них была — старая волчья шкура, которую выдавали за «реликвию предков» и носили на совет стаи для важности.

— И что это за артефакт? — спросил Дэймон. В его голосе явственно слышалась усмешка.

— Это не твоего ума дело, — огрызнулся другой голос, повыше и поглубже. Кажется, правая рука беты, здоровенный детина по имени Макс, но которого все называли Клык. — Артефакт пропал вчера вечером, а эта... Эта девка в это же время была в городе, на нейтральной территории. Совпадение? Не думаем.

— Она встречалась с информатором, которого убили, — добавил Рихард вкрадчиво. — И после убийства скрылась с тобой. Так что, альфа, либо ты отдаёшь нам нашу преступницу, либо мы будем считать, что «Черный клык» укрывает воровку и убийцу.

Лира прижалась ухом к двери, стараясь дышать бесшумно. Сердце колотилось где-то в горле. Сейчас решится её судьба. Если Дэймон отдаст её — она труп. В стае её просто убьют, прикрывшись «судом чести». Никто не будет разбираться. Она изгой, её слово ничего не стоит.

Повисла пауза. Длинная, тягучая, как патока.

— Интересно, — наконец произнёс Дэймон. — Значит, вы утверждаете, что ваша волчица украла некий артефакт, потом отправилась в клуб, где убила моего информатора, и после этого добровольно пошла со мной, чтобы я её укрыв?

— Именно, — подтвердил Рихард.

— А не кажется ли тебе, бета, что в этой истории слишком много дырок? — в голосе Дэймона прорезался металл. — С чего бы ей, украв артефакт, тащиться в клуб? С чего бы ей убивать моего человека, которого она в глаза не видела? И с чего бы ей, убийце, идти в лапы к альфе чужой стаи, если она хотела скрыться?

— Мы не знаем её мотивов, — упёрся Рихард. — Может, она хотела продать артефакт твоему информатору. А когда что-то пошло не так — убила. А с тобой пошла, потому что... — он сделал паузу, и в его голосе прорезалась гаденькая усмешка, — потому что наслышана о твоих предпочтениях. Решила, что альфе «Черного клыка» нужна только тёплая постель, а не правда.

Лира замерла. Это было оскорбление. Прямое, наглое, в лицо.

— Ты хочешь сказать, — медленно, растягивая слова, произнёс Дэймон, — что я, твоему, настолько озабоченный, что притащу в дом убийцу только ради того, чтобы раздвинуть ей ноги?

— Я ничего не хочу сказать, — ответил Рихард, но в его голосе сквозило самодовольство. — Я лишь констатирую факты. Ты провёл с ней ночь. Она в твоём доме. Отдай нам девку, и вопрос будет закрыт. А если нет... Что ж, совет альфы узнает, что «Чёрный клык» покрывает убийц и воров.

Шантаж. Чистой воды шантаж. Лира стиснула кулаки. Эти твари не просто хотели её смерти — они хотели втянуть Дэймона в конфликт, выставить его перед советом в невыгодном свете. А она была лишь разменной монетой.

Она ждала. Сейчас он скажет: «Забирайте». Ему нет до неё дела. Вчерашняя вспышка — просто гормоны, просто адреналин. Он циник, он не верит в истинность, он презирает такие понятия, как долг или честь по отношению к чужой волчице. Тем более к изгою.

Тишина за дверью затягивалась.

— Значит, артефакт, — вдруг произнёс Дэймон, и в его голосе появилась странная задумчивость. — Опиши его.

— Что? — опешил Рихард.

— Опиши артефакт, который она украла. Если он такой ценный, ты должен знать, как он выглядит. Размер, цвет, материал, свойства.

Пауза. Теперь уже растерянная.

— Это... Это семейная реликвия, — заблеял Рихард. — Древний амулет. Не твоего ума дело, как он выглядит!

— То есть ты пришёл требовать выдачи волчицы за кражу вещи, которую даже описать не можешь? — усмехнулся Дэймон. — Слабая позиция, бета.

— Ты не имеешь права! — взорвался Клык. — Это внутреннее дело нашей стаи! Мы требуем выдачи по праву кровной мести!

— Кровной мести? — Дэймон рассмеялся. Коротко, холодно, без тени веселья. — За что? За убийство человека, которого она не убивала? За кражу артефакта, которого у вас нет?

— Откуда тебе знать, есть он у нас или нет?! — рявкнул Рихард.

— Потому что, — Дэймон повысил голос, и в нём зазвенела сталь альфа-приказа, — я знаю всё, что происходит на моей территории. И я знаю, что ваша стая настолько бедна, что последнюю ценную вещь вы продали три года назад, чтобы заплатить долги. У вас нет артефактов. Есть только старые легенды и амбиции.

Лира прижалась лбом к двери. Он знает. Он всё знает. И он их раскусил. Но это ещё ничего не значит. Он может просто вышвырнуть их вон и оставить её здесь? Или всё же сдать, чтобы не связываться?

— Да как ты смеешь... — начал Рихард.

— Я смею всё, что хочу, на своей территории, — перебил Дэймон. — А теперь слушай меня внимательно, бета. Я задам тебе один вопрос. И от ответа зависит, получишь ты свою волчицу или нет.

Сердце Лиры пропустило удар.

— Почему вы хотите её забрать? Не артефакт, не месть. Именно её. Живьём. Зачем она вам?

Рихард молчал. Слишком долго. Слишком напряжённо.

— Она преступница, — наконец выдавил он. — Она должна понести наказание.

— За что? — наседал Дэймон. — Конкретно. За что именно ты хочешь её наказать?

— Это не твоё...

— Это моё, если она в моём доме! — рявкнул Дэймон так, что, кажется, стены задрожали. — Отвечай, или убирайся вон, и тогда я сам буду разбираться, что на самом деле произошло вчера в клубе. И, поверь, если я докапаюсь до правды, тебе мало не покажется.

Лира затаила дыхание. В гостиной повисла мёртвая тишина. Она представила, как переглядываются Рихард и Клык, как лихорадочно соображают, что ответить. И вдруг поняла: они её боятся. Не её саму, а того, что она может рассказать. Того, что она знает.

Она знала, что Рихард уже два года обворовывает стаю. Что он продаёт молодых волчиц в бордели на нейтральной территории. Что он покрывает браконьеров, которые убивают зверей в их угодьях. Она ничего не могла доказать, но она знала. И он боялся, что, если она заговорит перед советом, перед альфами, перед кем угодно, её могут услышать.

— Она знает то, что ей знать не положено, — наконец выдавил Рихард. — Старые долги. Тайны стаи. Если она попадёт в чужие руки, это навредит нам.

— Ах вот оно что, — протянул Дэймон. — Тайны. Значит, она не воровка и не убийца. Она просто свидетель. Неудобный свидетель.

— Это не твоё дело! — взвизгнул Рихард.

— Всё, что происходит на моей территории — моё дело, — отрезал Дэймон. — А сейчас проваливайте. Оба.

— Мы не уйдём без неё! — гаркнул Клык.

— Ты попробуй останься, — в голосе Дэймона появилась ленивая угроза. — Моя охрана давно чешет кулаки. Хочешь проверить, кто сильнее — твои шавки или мои волки?

Лира услышала звук шагов, скрип кожи — кто-то поднялся с места. Потом глухой удар, сдавленный вскрик и звук падения тяжёлого тела.

— Я же сказал — проваливайте, — повторил Дэймон устало. — Считайте это предупреждением. Ещё раз сунетесь на мою территорию без приглашения — уйдёте вперёд ногами. И передайте своему альфе, если он ещё жив, что я хочу с ним встретиться. Лично.

— Ты пожалеешь, — прошипел Рихард, но в его голосе уже не было уверенности.

— Это мы ещё посмотрим, — усмехнулся Дэймон. — Охрана! Проводите гостей до выхода. И проследите, чтобы они не заблудились по дороге.

Ли́ра отпрянула от двери, когда шаги приблизились. Гулко хлопнула входная дверь. Несколько минут было тихо, а потом в коридоре раздались тяжёлые шаги — один человек. Он шёл прямо к её комнате.

Дэймон не стал стучать. Просто открыл дверь и вошёл.

Он стоял на пороге, заслоняя собой свет из коридора. Утренний, небритый, в домашних брюках и расстёгнутой рубашке, из-под которой виднелась полоса бинта на предплечье — там, где она его укусила. Выглядел он так, будто вообще не ложился. Под глазами тени, взгляд тяжёлый, изучающий.

— Слышала? — спросил он коротко.

Ли́ра кивнула. Горло пересохло, слова не шли.

— И что скажешь?

Она сглотнула, собираясь с мыслями.

— Спасибо.

Он усмехнулся. Криво, недоверчиво.

— За что? Я им чуть не выдал тебя с потрохами.

— Но не выдал.

— Не выдал, — согласился он. — Но не потому, что ты мне нужна. А потому что меня бесит, когда какие-то шавки пытаются мной манипулировать.

Ли́ра кивнула. Она это поняла. Он не спасал её — он спасал свою гордость. Но сейчас это было неважно. Важно было то, что она всё ещё жива.

— Они убьют меня, если вернут, — сказала она тихо. — Рихард боится, что я расскажу про его махинации. Я много лет молчала, потому что некому было рассказать. Но теперь... Теперь он в панике.

— И что ты знаешь?

— Достаточно, чтобы он сел на десятилетия, если в стаях есть хоть какое-то подобие закона, а то и убьют... — горько усмехнулась Ли́ра. — Продажа волчиц, браконьерство, крышевание бандитов на нейтралке. Он уже давно не просто бета, он мелкий криминальный авторитет за спиной альфы. Просто прикрывается стаей.

Дэймон смотрел на неё, и в его глазах что-то менялось. То ли уважение, то ли интерес.

— И ты молчала?

— А кому мне было говорить? — вскинулась Ли́ра. — Альфе? Наш альфа — пьяница, который уже десять лет не встаёт с постели. Совету? Чтобы меня убили, не доводя до совета? Я изгой, Дэймон. У меня нет голоса. Никто бы меня не слушал.

Он подошёл ближе. Остановился в шаге, снова изучая её тяжёлым взглядом.

— А теперь есть.

— Что?

— Теперь у тебя есть голос, — повторил он. — Потому что ты под моей защитой. И если ты заговоришь — тебя услышат.

Ли́ра смотрела на него, пытаясь понять, издевается он или говорит серьёзно.

— С чего вдруг такая милость? — спросила она с вызовом. — Я же тебе никто. Случайная девка из клуба, которая вляпалась в твои разборки.

— Ты та, кто прокусил мне руку до крови, — ответил он, и в его голосе мелькнуло что-то странное. — Та, кто не побоялась врезать мне коленом в пах. Та, кто смотрит на меня так, будто я не альфа, а так, неприятность на пути.

Он сделал ещё шаг. Теперь между ними было меньше полуметра. Ли́ра вжалась в стену, но не отвела взгляда.

— Таких, как ты, у меня не было, — тихо сказал он. — И я пока не решил, что с тобой делать. Но отдавать тебя этим шакалам... Нет. Не дождутся.

Он протянул руку и коснулся её подбородка. Легко, почти невесомо. Большим пальцем провёл по скуле, очерчивая линию. Лира замерла, боясь дышать. Его прикосновение обжигало, даже такое лёгкое.

— Ты не шпионка, — сказал он, глядя ей в глаза. — Ты не воровка. Ты не убийца. Ты просто неудачница, которой не повезло родиться в неправильной стае. Но у тебя есть характер. И это дорогого стоит.

Он убрал руку. Отступил. Снова стал холодным, отстранённым альфой.

— Останешься здесь. Пока я не разберусь, что к чему. Не вздумай сбежать — хуже будет. Комната в твоём распоряжении. Еду принесут. Если что-то нужно — говори охране.

Он развернулся и пошёл к двери.

— Дэймон, — окликнула его Лира.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Зачем тебе это? Правда. Не для гордости. Не для принципа. Зачем тебе связываться с изгоем из мелкой стаи, у которой за душой ничего нет?

Он молчал долго. Так долго, что Лира уже решила, что он не ответит.

— Сам хочу понять, — наконец сказал он тихо. — Как пойму — скажу.

И вышел, закрыв за собой дверь.

Лира сползла по стене на пол, обхватила колени руками и закрыла глаза. Голова шла кругом. Её хотели убить свои. Её защитил чужой. Тот, кто должен быть врагом. Тот, от кого разум приказывал бежать, а тело — тянуться.

«Что со мной происходит? — думала она в отчаянии. — И что теперь будет?»

Ответов не было. Была только тишина роскошной тюрьмы, запах его парфюма, въевшийся в одежду, и жгучая боль в том месте, где его пальцы касались её щеки.

Час спустя в дверь постучали. Не Дэймон — слуга, молодой волк из стаи, с подносом еды. Поставил на столик, молча поклонился и вышел. Лира смотрела на тарелки с недоверием. Настоящая еда. Горячая. Мясо, овощи, свежий хлеб, кофе. В её стае такое ели только приближённые к альфе.

Она ела медленно, смакуя каждый кусок, и думала. Если она здесь остаётся, надо что-то делать. Нельзя просто сидеть и ждать, когда Рихард придумает новый план. Нельзя полагаться на милость Дэймона, который сам не знает, зачем её сюда занесло.

Надо искать союзников. Надо собирать информацию. Надо стать не обузой, а кем-то полезным. Только так можно выжить.

В её голове начал вырисовываться план. Пока смутный, пока опасный. Но выбора не было. Она или перестанет быть жертвой, или погибнет.

Лира подошла к окну, посмотрела на город, расстилавшийся внизу. Где-то там, в этих серых кварталах, прятался Рихард. Где-то там были те, кто мог бы помочь. И где-то там был он — Дэймон, альфа «Чёрного клыка», мужчина, от одного взгляда которого у неё подкашивались колени.

— Я не сдамся, — прошептала она, касаясь пальцами холодного стекла. — Я не сдамся. Я выживу. И я докажу всем, что изгой — это не приговор.

В ответ город молчал, переливаясь тысячами огней. Но Лире показалось, что где-то в этом шуме она слышит его голос: «Посмотрим».

В кабинете на другом конце пентхауса Дэймон сидел в кресле, сжимая в пальцах стакан с виски, хотя было только одиннадцать утра. Перед ним на столе лежало досье — распечатки, фотографии, отчёты. Всё, что его люди смогли нарыть за ночь о стае «Серая Ветвь» и о ней — о Лире.

Ничего особенного. Родилась, выросла, никогда не проявляла дара, держалась в тени. Ни одного нарушения, ни одного конфликта. Идеальная жертва.

— Идеальная, — повторил он вслух, и слово прозвучало как ругательство.

Почему тогда его волк воет, когда она выходит из комнаты? Почему рука, которую она прокусила, до сих пор горит, хотя рана затянулась? Почему он не спал всю ночь, прислушиваясь к её дыханию за стеной?

Он знал ответ. Но отказывался его принимать.

Истинность не выбирают. Истинность — это приговор. Он видел, как она сломала его отца. Как убила мать. Он не хотел такой судьбы. Ни для себя, ни для неё.

— Ты просто случайность, — сказал он пустоте комнаты. — Просто ошибка. Я не приму тебя.

Но где-то в глубине души, там, где не было места лжи, он знал: принимать или нет — уже не важно. Она уже была в нём. Въелась под кожу, отравила кровь, и никакой виски не смывал этот вкус.

Вкус её губ. Вкус её страха. Вкус её силы.

Вечером Лира решила выйти из комнаты. Сидеть взаперти было невыносимо — стены давили, тишина звенела в ушах, а собственные мысли заводили в такие дебри, из которых было не выбраться.

Она прошла по коридору, мимо закрытых дверей, и вышла в гостиную. Там горел приглушённый свет, и в кресле у окна сидел Дэймон.

Он не обернулся. Сидел, глядя на город, и в свете ночных огней его профиль казался высеченным из камня.

— Не спится? — спросил он, не поворачивая головы.

— Душно, — ответила Лира.

— Садись.

Она помедлила, но подошла и села на диван напротив него. Между ними был стеклянный столик с бутылкой вина и двумя бокалами. Он что, ждал её?

— Пей, — кивнул он на вино. — Расслабит.

— Я не хочу расслабляться, — огрызнулась Лира. — Я хочу понять, что дальше.

— А что дальше? — он повернулся к ней. В его глазах плясали отблески огней. — Дальше ты живёшь здесь. Я разбираюсь с твоим бетой. Когда всё закончится — решишь, что делать.

— А ты? — спросила она прямо. — Ты чего хочешь?

Он посмотрел на неё долго, тяжело. Так, что у неё перехватило дыхание.

— Я хочу понять, — медленно произнёс он, — почему от одной мысли, что эти шавки заберут тебя, у меня внутри всё переворачивается. Почему я готов порвать их голыми руками, хотя ты мне никто. Почему я не спал всю ночь, прислушиваясь, дышишь ли ты за стеной.

Лира замерла. Она не ожидала такой откровенности.

— Это... Это что-то значит? — спросила она тихо.

— Это значит, что у нас проблема, — ответил он жёстко. — Большая проблема. И я пока не знаю, как её решать.

Он поднялся, подошёл к окну, встал спиной к ней.

— Ложись спать, Лира. Завтра будет трудный день. Мне нужно ехать в совет, объяснять, почему я укрываю беглую волчицу и почему не отдал её стае.

— Тебе грозит опасность? — спросила она, и в голосе невольно проскользнула тревога. Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Волнуешься?

— Просто спросила.

— Опасность? — он повернул голову, и в полумраке блеснула хищная улыбка. — Я — опасность, Лира. Для всех, кто посмеет встать на моём пути. Иди спать.

Она поднялась, прошла к двери в коридор. Остановилась.

— Дэймон.

— М?

— Спасибо. Не за то, что спас. За то, что не отдал.

Он молчал. И Лира ушла, оставив его одного в тёплом сумраке гостиной.

Дэймон смотрел на дверь, за которой она скрылась, и сжимал подоконник с такой силой, что мрамор пошёл трещинами.

— Истинность, — выдохнул он в пустоту, и это слово прозвучало как проклятие.

Дорогие читатели!

Представляю вашему вниманию участника нашего литмоба:

"Недостойная для альфы" Мэри Ли

<https://litnet.com/shrt/Gx7a>

Глава 3

Утро встретило Лиру серым, тягучим светом, просачивающимся сквозь панорамные окна. Она не спала. Всю ночь ворочалась, прислушиваясь к звукам чужого дома, к шагам охраны за дверью, к собственному сердцу, которое никак не хотело успокаиваться.

Мысли роились в голове, как встревоженные пчёлы. Рихард не отстанет. Крон, про которого говорил Дэймон, тоже наверняка замешан в этой истории. А она — маленькая пешка, которую перекидывают с доски на доску, не спрашивая согласия.

Где-то в глубине пентхауса хлопнула дверь. Лира напряглась, прислушиваясь. Голоса — мужские, резкие, взволнованные. Потом звук шагов, удаляющихся к лифту. И тишина.

Он уехал.

Лира выдохнула, сама не зная, облегчение это или разочарование. С одной стороны, его присутствие выбивало из колеи, заставляло сердце биться чаще, а мысли — путаться. С другой, когда он был рядом, она чувствовала себя в безопасности. Как бы абсурдно это ни звучало.

Она встала, натянула вчерашнюю одежду (другой не было) и вышла в коридор. Пентхаус встретил её тишиной и запахом кофе. На кухне, которая оказалась частью огромной гостиной, сутился молодой волк из охраны — тот самый, что приносил еду вчера.

— Господин Дэймон просил передать, что вернётся к вечеру, — сказал он, заметив Лиру. — Завтрак готов. Что пожелаете?

— Кофе, — хрипло ответила Лира. — И можно мне какую-нибудь одежду? Свою я уже трети сутки ношу.

Парень слегка покраснел, кивнул и исчез. Через полчаса в её комнату доставили несколько пакетов из дорогих магазинов — джинсы, футболки, свитера, даже нижнее бельё. Лира смотрела на всё это великолепие с подозрением. Она не просила такого количества. И уж точно не просила нижнее бельё от брендов, названия которых она даже прочесть не могла.

— Это всё оплачено, — сказал охранник, перехватив её взгляд. — Господин Дэймон распорядился.

— Он щедр, — процедила Лира сквозь зубы.

Она выбрала самые простые джинсы и чёрную водолазку, оставив остальное в пакетах. Не хватало ещё чувствовать себя обязанной этому высокомерному альфе.

День тянулся бесконечно. Лира бродила по пентхаусу как неприкаянная, рассматривая книги на полках (в основном деловую литературу и классику), трогая холодный металл скульптур, вглядываясь в ноутбук, оставленный на столе (запаролен, конечно). Она чувствовала себя чужой в этом стерильном великолепии. Зверем, случайно забредшим в витрину ювелирного магазина.

Ближе к вечеру, когда за окнами снова зажглись огни, она услышала шаги в коридоре. Не охранник — тяжелее, увереннее, злее.

Дэймон ворвался в гостиную, как ураган. Пиджак был расстёгнут, галстук съехал набок, в глазах полыхала ледяная ярость. Он даже не взглянул на неё — прошёл к бару, налил полный стакан виски и опрокинул в себя одним махом.

— Что случилось? — спросила Лира, поднимаясь с дивана.

Он обернулся. Взгляд тяжёлый, прожигающий насквозь.

— Садись, — сказал он глухо. — Разговор есть.

Лира села. Внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия.

Дэймон налил ещё виски, но пить не стал — просто сжимал стакан в пальцах, глядя на неё.

— Был совет, — начал он. — Трое альф, включая Крона. И твой бета.

— Рихард был на совете альф? — изумилась Лира. — Он же никто, простой бета.

— Его привёл Крон, — жёстко усмехнулся Дэймон. — Как свидетеля. Как потерпевшего. Как того, кто требует справедливости.

Лира похолодела.

— И что они требовали?

— Твоей выдачи, — Дэймон поставил стакан на стол с глухим стуком. — И наказания для меня за укрывательство преступницы, убийцы и воровки. Всё по списку, красиво упаковано.

— Но это же ложь! — вырвалось у Лира.

— Я в курсе, — огрызнулся он. — Но совету нужны не факты, совету нужен результат. Крон давно точит на меня зуб. Ему нужно ослабить мою стаю, отжать территорию, получить доступ к моим контрактам. А ты — идеальный повод.

Лира молчала, переваривая информацию. Выходит, она не просто пешка в мелких разборках Рихарда. Она стала инструментом в большой игре. В игре, где ставки — жизни сотен волков.

— И что теперь? — спросила она тихо.

Дэймон посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. В нём было всё: злость, усталость, бешенство и что-то ещё, чему она не могла подобрать названия.

— Есть два варианта, — сказал он. — Первый: я отдаю тебя им. Рихард получает своё, Крон остаётся с носом, потому что я выполняю требования совета, и конфликт исчерпан. Ты...

— Я умираю, — закончила за него Лира. Голос не дрогнул. Она знала это с самого начала. — Долго и мучительно.

— Возможно, — не стал врать Дэймон. — Второй вариант...

Он замолчал. Отвернулся к окну, сцепив руки за спиной.

— Второй вариант — я беру на себя ответственность за тебя. Официально. Перед советом, перед стаями, перед всеми.

Лира ждала продолжения, но он молчал. Слишком долго. Слишком напряжённо.

— Что значит «беру ответственность»? — спросила она, хотя уже начинала догадываться.

Дэймон резко обернулся. В его глазах бушевала буря.

— Это значит, что я объявляю тебя своей. Своей женщиной, своей парой, своей собственностью. По законам стай, это даёт тебе неприкосновенность. Ни одна стая не имеет права преследовать тебя без моего разрешения.

Лира встала. Ноги подкашивались, но она заставила себя стоять прямо.

— Ты хочешь сказать... мы должны... пожениться?

— Фиктивно, — отрезал он, и это слово прозвучало как пощёчина. — Чисто формально. Чтобы заткнуть совет и дать мне время разобраться, кто и зачем тебя подставил. А потом, когда всё закончится, ты исчезнешь.

— Исчезну? — переспросила Лира, и в голосе прорезался металл. — Куда?

— Куда захочешь, — он махнул рукой. — Деньги получишь, документы, новую жизнь где-нибудь подальше отсюда.

— То есть ты предлагаешь мне сыграть роль твоей невесты, а потом вышвырнуть меня, как ненужную вещь?

— Я предлагаю тебе остаться в живых! — рявкнул Дэймон, делая шаг к ней. — Ты понимаешь, что если я этого не сделаю, тебя убьют? Не Рихард, не Крон, а совет. Формально, законно, без права на защиту. Ты для них никто, Лира. Изгой из стаи-помойки, которую подозревают в убийстве и краже. Никто не будет разбираться. Просто приговор и всё.

— И ты думаешь, что фиктивный брак меня спасёт? — крикнула она в ответ. — Что эти шакалы отступят, увидят твою метку на мне?

— Должны, — сквозь зубы процедил он. — По законам стай, никто не имеет права тронуть пару альфы. Даже если эта пара — изгой.

Ли́ра замерла. В голове билась одна мысль: «Он прав. Это единственный способ. Но почему тогда внутри всё переворачивается от отвращения?»

— Ты сам этого хочешь? — спросила она тихо, глядя ему в глаза.

Дэ́ймон усмехнулся. Горько, зло, без тени веселья.

— Хочу ли я жениться на женщине, которую знаю третьи сутки, которая прокусила мне руку до крови и смотрит на меня как на врага? — он покачал головой. — Нет, Ли́ра. Я этого не хочу. Но у меня нет выбора. И у тебя его тоже нет.

— Всегда есть выбор, — выдохнула она.

— Правда? — он шагнул ближе, нависая над ней. — И какой? Сдохнуть в подвалах совета, чтобы доказать свою гордость? Или сбегать и всю жизнь прятаться по углам, зная, что за тобой охотятся? Это не выбор. Это отсрочка приговора.

Ли́ра молчала. Он был прав. Во всём прав. Но от этого не легче.

Она опустила́сь на диван, обхватила голову руками. Всё внутри кипело, протестовало, кричало. Она не хотела быть обязанной ему. Не хотела становиться его собственностью, пусть даже формально. Не хотела играть роль счастливой невесты, когда на самом деле она пленница в роскошной клетке.

Но выбора действительно не было.

— И долго мне придётся играть эту роль? — спросила она, не поднимая головы.

— Пока я не разберусь с Кроном и твоим бетой, — ответил Дэ́ймон. — Месяц. Два. Может, полгода. Как пойдёт.

— А потом?

— Потом ты получишь свободу и деньги. И забудешь, что когда-то видела меня.

Она подняла голову. Посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— А ты сможешь забыть?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как свинец. Дэ́ймон замер. В его глазах мелькнуло что-то странное — то ли боль, то ли страх. Но он тут же спрятал это за маской безразличия.

— Легко, — отрезал он. — Я забывал и не таких.

— Врёшь, — тихо сказала Ли́ра.

— Что?

— Ты врёшь, — повторила она, поднимаясь. — Я вижу. Ты сам не знаешь, что будет потом. И тебя это бесит.

Она стояла перед ним, маленькая, худенькая, в новой одежде, но с таким вызовом в глазах, что Дэ́ймону захотелось провалиться сквозь землю.

— Не бери на себя слишком много, — процедил он сквозь зубы. — Ты мне никто. Просто проблема, которую нужно решить.

— Конечно, — усмехнулась Ли́ра. — Я помню. Фиктивный брак. Защита. Потом исчезнуть. Ты уже говорил.

Она развернулась и пошла в свою комнату. У двери остановилась.

— Когда церемония?

— Завтра, — бросил он в спину. — Утром приедет регистратор. Совет должен увидеть, что всё официально.

— Замечательно, — ответила Ли́ра, не оборачиваясь. — У меня будет время подготовиться к самому главному спектаклю в моей жизни.

Дверь за ней закрылась с тихим щелчком. Дэ́ймон остался один в гостиной, сжимая стакан с такой силой, что тонкое стекло пошло трещинами.

— Чёрт, — выдохнул он, глядя на кровь, выступившую на пальцах. — Чёрт, чёрт, чёрт.

В своей комнате Лира сидела на кровати, глядя в одну точку. Мысли метались, как бешеные.

Замуж. Она выходит замуж. За альфу, которого ненавидит. Который её бесит. Который... От одного взгляда которого у неё подкашиваются колени.

Она ненавидела себя за эту реакцию. За то, что, когда он подходил близко, сердце начинало биться чаще. За то, что ночью, в полудрёме, она чувствовала его запах, и это успокаивало. За то, что часть её — та самая, волчья, дикая — ликовала.

«Он мой, — шептал внутренний голос. — Наш. Истинный.»

— Заткнись, — прошептала Лира, сжимая виски. — Это не истинность. Это случайность. Просто гормоны, просто инстинкты.

Но голос не затыкался. Он пел, и вой этот отдавался в каждой клетке тела.

Она легла, уставившись в потолок. Сна не было ни в одном глазу. Где-то там, за стеной, ходил он — мужчина, который завтра станет её мужем. Который спас ей жизнь, но смотрел на неё как на обузу. Который обещал свободу, но на деле запирали в клетку крепче любой тюрьмы.

«Что я делаю? — думала Лира. — И во что я ввязалась?»

Ответа не было. Была только тишина, нарушаемая далёким гулом ночного города, и запах его парфюма, въевшийся в одежду.

Утро началось с суеты. В пентхаус приехали люди — портные, визажисты, секретари. Лиру вертели, мерили, крутили, примеряя на неё белое платье, которое она даже не хотела смотреть. Оно было красивым — кружево, шёлк, тончайшая вышивка. Но для Леры оно было саваном.

Дэймон не показывался. Исчез в своём кабинете и только изредка отдавал распоряжения через охрану.

К полудню всё было готово. Лира стояла перед зеркалом в гостиной, превращённой на время в церемониальный зал, и смотрела на своё отражение. Из зеркала на неё смотрела незнакомка. Красивая, холёная, с уложенными волосами и нежной кожей. Глаза только выдавали — испуганные, злые, отчаянные.

— Ты как? — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Дэймон стоял в дверях. Тоже при параде — чёрный костюм, белая рубашка, идеально завязанный галстук. Красивый до невозможности. Хищный, опасный, чужой.

— Как приговорённая к казни, — честно ответила Лира.

Он усмехнулся уголком губ.

— Я тоже. Пошли. Там уже ждут.

Она взяла его под руку — так велел этикет, и они вышли в гостиную. Там собралось человек десять — старейшины его стаи, пара свидетелей, регистратор в строгом костюме. Все смотрели на них с любопытством — альфа женится на какой-то изгое? Скандал.

Регистратор зачитывал формулы, Лира кивала, не вслушиваясь в слова. Всё было как в тумане. Она чувствовала только тепло его руки, сжимающей её ладонь, и запах — тот самый, от которого кружилась голова.

— Согласны ли вы, Дэймон, взять в жёны Лиру?

— Согласен, — ровно, без эмоций.

— Согласны ли вы, Лира, взять в мужа Дэймона?

Она подняла глаза. Встретилась с ним взглядом. В его глазах не было ничего — пустота, лёд. И от этого стало обидно до слёз.

— Согласна, — выдохнула она.

— Обменяйтесь кольцами.

Кольца были простыми — платина, без камней. Холодный металл скользнул на палец, и Лира почувствовала, как что-то щёлкнуло внутри. Словно невидимая цепь замкнулась на запястье.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Дэймон наклонился. Его губы коснулись её губ — легко, формально, без чувства. Это был не поцелуй. Это была печать. Штамп. Ритуал.

Лира закрыла глаза, и в этот миг, в этом пустом прикосновении, вдруг почувствовала то, чего не ждала. Тепло. Настоящее, живое тепло, разлившееся по телу. И лёгкую дрожь его пальцев, сжимающих её плечо.

Он тоже это чувствует.

Он тоже не может контролировать.

Мысль эта обожгла сильнее любой страсти. Лира отстранилась первой, отпустила его руку, сделала шаг назад.

— Поздравляю, — сказала она громко, для всех. — Господин альфа.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, в котором смешались злость, удивление и что-то ещё, чему она боялась дать название.

— Благодарю, — ответил он так же формально. — Теперь ты под моей защитой. Никто не посмеет тронуть тебя.

— Ура, — тихо сказала Лира, так, чтобы слышал только он. — Сказка стала явью.

Гости заплодировали. Кто-то из старейшин подошёл с поздравлениями, кто-то наливал шампанское. Лира улыбалась, кивала, принимала поздравления, но внутри было пусто и холодно.

Она вышла замуж. За мужчину, которого ненавидит. Который ненавидит её. Который пообещал, что она исчезнет из его жизни, как только всё закончится.

Так почему же, когда он смотрит на неё, сердце замирает, а в груди разливается тепло?

Почему она ловит себя на мысли, что не хочет исчезать?

Вечером, когда гости разошлись, а пентхаус снова погрузился в тишину, Лира сидела в своей комнате, всё ещё в свадебном платье, и смотрела на кольцо на пальце. Оно блестело в свете ночника, холодное, чужое.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала она, не надеясь ни на что.

Вошел Дэймон. Без пиджака, в расстёгнутой рубашке, с бутылкой вина и двумя бокалами в руках.

— Отметим? — спросил он криво.

— Фиктивную свадьбу? — усмехнулась Лира. — Фиктивным шампанским?

— Коньяк. Тридцатилетний. Настоящий.

Она пожала плечами. Почему бы и нет?

Он сел в кресло напротив, разлил коньяк по бокалам. Протянул один ей. Лира взяла, сделала глоток — обжигающе, терпко, хорошо.

— Ты хорошо держалась, — сказал он неожиданно. — Я думал, ты сорвёшься.

— Я умею играть роли, — ответила она. — Изгой быстро учатся притворяться.

Он кивнул, принимая ответ.

— Теперь ты в безопасности, — сказал он после паузы. — По крайней мере, формально.

— А неформально?

— Неформально нам нужно выяснить, кто за всем этим стоит. И почему ты стала пешкой в этой игре.

— Я думала, ты знаешь — Крон.

— Крон — верхушка. А мне нужны корни. Кто-то в твоей стае работает на него. Кто-то сливает информацию, организует подставы. Возможно, не только Рихард.

Лира задумалась. В голове всплывали лица, имена, мелкие детали, на которые раньше она не обращала внимания.

— Я могу помочь, — сказала она тихо.

— Чем?

— Я знаю стаю. Знаю, кто с кем дружит, кто на что способен. Если ты дашь мне информацию о том, что ищешь, я смогу вычислить, кто мог быть связан с Кроном.

Дэймон посмотрел на неё с удивлением.

— Ты предлагаешь мне помощь?

— Я предлагаю тебе сотрудничество, — поправила Лира. — Ты спас мне жизнь, дал защиту. Самая малость, которую я могу сделать — помочь найти тех, кто хочет меня убить.

Он молчал долго. Потом усмехнулся.

— Ты удивительная, — сказал он. — Тебя только что выдали замуж насильно, а ты уже строишь планы мести.

— Я всегда строю планы, — ответила Лира. — Иначе бы я не выжила.

Дэймон поднял бокал.

— За сотрудничество, — сказал он.

— За выживание, — ответила она, чокаясь.

Коньяк обжёг горло, но внутри разлилось тепло. Лира смотрела на мужчину напротив и впервые за долгое время чувствовала что-то похожее на надежду.

Может быть, этот брак не самое страшное, что с ней случилось.

Может быть, это шанс.

Шанс выжить. Шанс отомстить. Шанс узнать, что скрывается за ледяной маской альфы, который смотрит на неё так, будто она — единственное живое существо в этом стерильном мире.

— Завтра начнём, — сказал он, поднимаясь. — А сегодня отдыхай. Ты заслужила.

— Спокойной ночи, Дэймон, — тихо сказала Лира.

— Спокойной ночи... жена.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, странное, чужое. Но когда он вышел, Лира поймала себя на том, что улыбается.

Впервые за долгое время.

А у нас очередной участник литмоба:

"Слово Альфы - закон" Тая Вальд

<https://litnet.com/shrt/B27v>

Глава 4

Лира долго ворочалась в постели. Сон не шёл — мысли роились в голове, как встревоженные осы. Она прокручивала в голове события дня, слова Дэймона, его ледяной взгляд, и злость росла, заполняя каждую клеточку тела.

«Как он смеет? Как смеет смотреть на неё как на пустое место, после того как сам же настоял на этом браке? Как смеет делать вид, что её не существует, когда она здесь, живая, настоящая, и чувствует...»

Что она чувствует? Лира зажмурилась, пытаясь отогнать непрошенные ощущения. Она чувствует его запах. Даже здесь, в своей комнате, даже через закрытую дверь, она чувствует его — древесный, терпкий, дикий. Он пропитал весь пентхаус, въелся в стены, в мебель, в воздух. И от этого запаха тело начинало жить своей жизнью, вопреки всем приказам разума.

«Это просто инстинкты, — убеждала она себя. — Просто омега реагирует на альфу. Биология. Ничего личного.»

Но биология не объясняла, почему при мысли о нём сердце замирает, а в груди разливается странное тепло. Почему, когда он смотрит, хочется одновременно провалиться сквозь землю и шагнуть ближе. Почему его прикосновения — даже те, формальные, для протокола — оставляют на коже ожоги.

«Заткнись, — приказала она себе. — Просто заткнись. Завтра новый день. Завтра ты начнёшь искать выход. А сейчас — спи.»

Она уже почти провалилась в тяжёлый, тревожный сон, когда услышала шаги в коридоре.

Тяжёлые, неровные, слишком громкие для ночной тишины. Кто-то шёл, спотыкаясь, задевая стены, и этот кто-то явно направлялся к её двери.

Лира села на кровати, нащупывая рукой что-то тяжёлое — на тумбочке стоял массивный светильник. Сердце заколотилось где-то в горле.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге стоял Дэймон.

Он был пьян. Сильно пьян — это читалось в мутном взгляде, в нетвёрдой походке, в том, как он оперся плечом о косяк, пытаясь удержать равновесие. Рубашка наполовину выбилась из брюк, волосы растрепались, на лбу блестела испарина.

— Ты... — выдохнул он, глядя на неё. В его глазах плескалось что-то тёмное, опасное, голодное.

Лира вскочила с кровати, сжимая светильник.

— Что тебе нужно?

Он шагнул в комнату. Пошатнулся, но устоял. Сделал ещё шаг, приближаясь.

— Что мне нужно? — переспросил он, и голос его звучал хрипло, срываясь. — Ты правда хочешь знать, что мне нужно?

— Выйди, — сказала Лира твёрдо, хотя внутри всё дрожало. — Ты пьян. Придёшь завтра.

— Завтра, — усмехнулся он горько. — А сегодня у нас брачная ночь, помнишь? Сегодня ты моя жена. И я имею право...

— Ты не имеешь никакого права! — перебила она, повышая голос. — Этот брак — фикция. Ты сам так сказал.

— Фикция, — повторил он, и в его голосе появилась злость. — Фикция для совета. А для меня? Для моего волка?

Он шагнул ещё ближе. Теперь между ними было меньше метра. Лира чувствовала запах перегара, смешанный с его обычным парфюмом, и от этой смеси кружилась голова.

— Ты пахнешь, — выдохнул он, глядя на неё в упор. — Ты пахнешь так, что я схожу с ума. Каждую ночь, каждую минуту, каждую секунду. Я не могу есть, не могу спать, не могу думать ни о чём, кроме тебя. А ты говоришь — фикция?

— Это не моя проблема, — выдавила Лира, пятась к стене. — Разбирайся со своим волком сам.

— Не могу, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько отчаяния, что у неё перехватило дыхание. — Понимаешь? Не могу. Ты под кожей. В крови. В каждой чёртовой клетке.

Он сделал последний шаг, и Лира уперлась спиной в холодную стену. Он нависал над ней, тяжёлый, горячий, пахнущий виски и диким желанием. Его рука легла на стену рядом с её головой, вторая — сжала её плечо.

— Я не хочу тебя хотеть, — выдохнул он ей в губы. — Ты понимаешь? Не хочу. Но не могу остановиться.

И поцеловал.

Это не было похоже на тот, первый поцелуй в клубе. И на тот, второй, у окна. Это было грубо, жёстко, почти жестоко. Он впился в её губы, кусая, требуя, забирая. Его язык вторгся в её рот, и Лира почувствовала вкус виски и горечи.

Она должна была сопротивляться. Должна была ударить, оттолкнуть, закричать. Она и пыталась — упёрлась ладонями ему в грудь, пытаясь создать хоть какое-то расстояние, но он был как скала — не сдвинуть.

— Отпусти, — прохрипела она в разрыв поцелуя.

— Нет, — выдохнул он, и в этом «нет» было столько боли, что она на секунду замерла.

Он оторвался от её губ и впился в шею. Горячо, жадно, оставляя на коже влажные дорожки. Лира выгнулась, запрокинув голову, чувствуя, как по телу разливается предательская слабость.

«Нет, — приказала она себе. — Нет, не смей. Сопротивляйся.»

Но тело не слушалось. Оно таяло под его руками, отвечало на каждое прикосновение, прижималось ближе, ища ещё. Где-то в глубине, в самой тёмной и дикой части сознания, волчица ликовала: «Наш. Альфа. Истинный.»

Его рука скользнула под её футболку, сжала талию, поползла выше. Кожа горела под его пальцами. Лира выдохнула, вцепившись ему в плечи, и этот выдох был похож на стон.

Дэймон замер. Отстранился, глядя на неё мутными глазами.

— Ты хочешь, — сказал он, и это был не вопрос. — Я чувствую. Твоё тело хочет.

— Заткнись, — прошептала Лира, ненавидя себя за эту реакцию.

— Зачем ты врёшь? — спросил он, и в его голосе появилась странная, почти детская обида. — Зачем ты врёшь мне и себе?

Он не ждал ответа. Подхватил её на руки — легко, словно она ничего не весила — и понёс к кровати.

Лира ударила его кулаком в грудь. Он даже не заметил. Ударила ещё раз, сильнее. Он опустил её на постель, навис сверху, прижимая к матрасу тяжестью своего тела.

— Перестань, — выдохнул он, перехватывая её руки и зажимая над головой. — Перестань бороться. Только хуже сделаешь.

— Ненавижу тебя, — прошипела Лира, глядя ему в глаза.

— Знаю, — ответил он просто. — Я себя тоже ненавижу.

Он наклонился и поцеловал её снова — но теперь мягче, почти нежно. Почти. Лира на секунду закрыла глаза, и в этот миг, в этом странном, противоречивом прикосновении, она почувствовала то, чего не ждала — его боль. Его отчаяние. Его страх.

Он боялся. Этот великий, всесильный альфа, перед которым трепетали сотни волков, боялся. Её. Себя. Того, что происходит между ними.

Она могла бы воспользоваться этим. Ударить, когда он уязвим. Но вместо этого её руки, освобождённые от хватки, сами легли ему на спину, притягивая ближе.

— Чёрт, — выдохнул он ей в губы. — Чёрт, Лира.

Что именно значило это «чёрт» — проклятие, мольбу, признание — она не знала. Да и не важно было.

Дальше всё смешалось в один сплошной водоворот ощущений. Жар кожи, запах, смешанный с её собственным, тяжесть его тела, ритм дыхания, сбитый, рваный. Он был груб — срывал одежду, сжимал до синяков, кусал плечи, оставляя метки. Но в этой грубости не было жестокости. Была отчаянная, неконтролируемая потребность быть ближе. Так близко, как только возможно.

Лира отвечала тем же. Впивалась ногтями в спину, кусала губы до крови, выгибалась навстречу, и в этом диком танце ненависть и желание переплелись так тесно, что стало невозможно отделить одно от другого.

Когда он вошёл в неё — резко, без подготовки, Лира вскрикнула, вцепившись зубами в его плечо, чтобы заглушить звук. Боль вспышкой пронзила тело, но тут же отступила, смывая волной чего-то другого, горячего, всепоглощающего. Она чувствовала его всего — каждой клеткой, каждым нервом, каждым ударом сердца.

Он двигался жёстко, глубоко, и с каждым толчком в голове Лира взрывались фейерверки. Она потеряла счёт времени, потеряла себя, растворилась в этом бешеном ритме, в его запахе, в его хриплом дыхании над ухом.

И вдруг, в какой-то момент, всё изменилось.

Дэймон замедлился. Его движения стали плавнее, глубже, почти ласковыми. Он наклонился, прижался губами к её виску, к мокрой от пота щеке, к уголку губ.

— Лира, — выдохнул он, и в этом имени было столько нежности, сколько она не слышала за всю свою жизнь.

Она открыла глаза и встретила с ним взглядом. В его глазах не было той ледяной пустоты, к которой она привыкла. Там плескалось что-то тёплое, живое, испуганное. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Будто она была не просто телом, не просто случайной женщиной, а чем-то гораздо большим.

— Ты... — начал он, но не договорил.

Потому что в этот миг волна наслаждения накрыла их обоих. Лира выгнулась, вцепившись в его плечи, чувствуя, как мир взрывается на миллионы осколков. Дэймон замер, выдохнул её имя, прижимаясь лбом к её лбу, и его тело содрогнулось в последнем, глубоком толчке.

Несколько секунд они лежали неподвижно, тяжело дыша, опутанные мокрыми простынями, пропитанные запахом друг друга. Лира чувствовала, как бьётся его сердце — в унисон с её собственным. Как его пальцы гладят её плечо — почти нежно. Как губы касаются виска — легко, словно прося прощения.

И в этот миг, в этой странной, невозможной близости, она почти поверила, что всё будет хорошо. Что этот мужчина — не враг. Что за ледяной маской есть кто-то живой, настоящий, способный любить.

А потом Дэймон открыл глаза.

И в них снова было пусто.

Он отстранился. Резко, словно обжёгся. Встал с кровати, не глядя на неё, начал собирать разбросанную одежду.

— Дэймон... — позвала Лира тихо. Голос сорвался.

Он замер на секунду. Не обернулся.

— Спи, — бросил коротко. И вышел, даже не взглянув на неё.

Дверь закрылась с тихим щелчком. И этот звук был громче любого крика.

Лира лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как по щекам текут слёзы. Не от боли — тело ныло, но это было приятное, тёплое томление. Не от обиды — обида была слишком мелким словом для того, что творилось внутри.

От отчаяния.

Она отдала ему всё. Впустила в себя, позволила сломать все барьеры. И он просто встал и ушёл. Как будто ничего не было. Как будто она — пустое место. Очередная женщина на одну ночь.

Лира сжалась в комок, обхватила колени руками и зарыдала в подушку, чтобы никто не слышал. Слёзы душили, смешивались с его запахом на коже, с привкусом крови на губах, с болью в тех местах, где он оставлял метки.

«Я была права, — думала она в отчаянии. — Я была права, когда не верила ему. Он не умеет любить. Он не умеет быть рядом. Он берёт и выбрасывает.»

Но где-то в глубине, там, где ещё жила надежда, другой голос шептал: «А тот миг? Та нежность в его глазах? Это было по-настоящему. Я знаю.»

Лира зажмурилась, пытаясь отогнать этот голос. Сейчас верить в хорошее было опасно. Сейчас нужно было злиться. Нужно было ненавидеть. Нужно было строить стены — выше, крепче, чем раньше.

Она села на кровати, вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Посмотрела на дверь, за которой он скрылся, и в глазах её зажглась холодная решимость.

— Больше никогда, — прошептала она в пустоту. — Слышишь, Дэймон? Никогда больше ты не войдёшь в мою комнату. Никогда больше я не позволю тебе так со мной обращаться. Ты для меня — никто. Способ выжить. И только.

Она легла, натянула одеяло до подбородка, и лежала, глядя в потолок, до самого рассвета. Сна не было. Была только ледяная пустота внутри и жгучая решимость стать сильнее. Настолько сильной, чтобы никто и никогда больше не посмел обращаться с ней как с вещью.

В своей спальне Дэймон стоял под душем, пытаясь смыть с себя её запах. Горячая вода обжигала кожу, но не могла прогнать ощущение её рук на его спине, её губ на его шее, её шёпота в ухо.

Он закрыл глаза и снова увидел её лицо. Тот момент, когда он смотрел на неё и чувствовал... Что? Нежность? Привязанность? Любовь?

— Нет, — выдохнул он, ударив кулаком по кафельной стене. — Нет, нет, нет.

Он не мог позволить себе любить. Любовь убивает. Любовь делает слабым. Любовь — это боль, которую не выдержать.

Отец не выдержал. Мать не выдержала. А он — выдержит. Он будет один. Он всегда был один.

Но запах её кожи въелся в лёгкие, и никакая вода не могла его смыть.

Дэймон вышел из душа, накинул халат и подошёл к окну. Город внизу мерцал огнями, равнодушный к его боли. Он сжал подоконник с такой силой, что побелели костяшки.

— Прости, — прошептал он в пустоту. — Прости меня, Лира.

Но она не слышала. Да и не простила бы.

А мы продолжаем знакомство с участниками:

"(не) Истинная для Альфы тирана" Ира Далински

<https://litnet.com/shrt/KNAb>

Глава 5

Первые три дня после брачной ночи прошли в режиме холодной войны.

Дэймон исчез. Не в прямом смысле, конечно — Лира чувствовала его присутствие в пентхаусе, слышала шаги в коридоре, звук льющейся воды в ванной, щелчок дверцы бара в гостиной. Но он делал всё, чтобы не пересекаться с ней. Уходил рано утром, до того, как она просыпалась, возвращался поздно ночью, когда она уже запиралась в своей комнате. Выходные, которые, как выяснилось, у альф тоже бывают, он проводил в кабинете, запершись изнутри.

Лира сначала злилась. Потом привыкла. Потом решила, что так даже лучше. Меньше соблазна вцепиться ему в глотку. Или сделать что-то другое, о чём лучше не думать.

Она не позволяла себе вспоминать ту ночь. Заблокировала воспоминания, спрятала глубоко внутри, за семью замками. Это был просто секс. Просто физиология. Просто он доказывал себе, что она ничем не отличается от других. И точка.

Но по ночам, когда город за окнами затихал, а пентхаус погружался в темноту, её тело помнило. Каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждый миг той странной, пугающей нежности, которая мелькнула в его глазах перед тем, как он ушёл.

Лира ненавидела себя за эту память.

На четвёртый день ей стало невыносимо сидеть в четырёх стенах. Она выходила в гостиную, на кухню, но этого было мало. Хотелось понять, где она живёт. Кто этот человек, ставший её мужем. Что скрывается за ледяной маской альфы, который так боится близости.

Она начала с малого — с библиотеки.

В гостиной обнаружился стеллаж с книгами, на который она раньше не обращала внимания. Лира провела пальцем по корешкам — классика, история, философия, несколько томов по экономике и управлению. Ничего личного. Ни одной художественной книги, которую можно было бы назвать «для души». Всё строго, функционально, как в кабинете.

— Скучный у тебя вкус, Дэймон, — пробормотала она, закрывая стеллаж.

Дальше были комнаты. Запертых дверей оказалось три: кабинет (там постоянно торчал он), спальня хозяина (туда она соваться не рискнула) и ещё одна, в конце коридора, которую она раньше не замечала.

Лира остановилась перед этой дверью, прислушиваясь. Из-за неё не доносилось ни звука. Дэймон был в кабинете, она точно знала — слышала, как он прошёл туда час назад. Значит, можно рискнуть.

Ручка поддавалась легко. Дверь не была заперта.

Лира шагнула внутрь и замерла на пороге.

Это была комната, которую она меньше всего ожидала увидеть в этом стерильном, минималистичном пентхаусе. Здесь было тепло. Уютно. По-настоящему.

Старый дубовый письменный стол, заваленный бумагами, но не деловыми — какие-то наброски, рисунки, письма. Кожаное кресло с потёртой спинкой — явно любимое, обжитое. На стенах — фотографии. Много фотографий. И книги — настоящие, зачитанные, с загнутыми страницами.

Лира медленно вошла, боясь нарушить эту интимную атмосферу. Она чувствовала себя вором, забравшимся в чужую душу. Но остановиться не могла.

Первое, что бросилось в глаза — портрет на стене. Женщина с тёплой улыбкой и такими же серебристыми глазами, как у Дэймона. Она сидела в кресле, а на коленях у неё сидел мальчик лет пяти — серьёзный, настороженный, но счастливый. Мать.

Рядом — ещё одно фото. Мужчина, мощный, широкоплечий, с такими же хищными чертами лица, как у Дэймона. Он стоял, опершись на капот старого внедорожника, и улыбался в камеру открыто, беззаботно. Отец.

Ли́ра перевела взгляд на письменный стол. Среди бумаг лежала стопка писем, перевязанная выцветшей лентой. Она не решилась их трогать, но заметила на верхнем конверте женский почерк и обратный адрес — какой-то маленький город, название которого ничего ей не говорило.

Дальше, в ящике стола, который оказался незаперт, лежал альбом с фотографиями. Ли́ра осторожно достала его, села в кресло и начала листать.

Детство Дэймона. Вот он с отцом на рыбалке — серьёзный, но счастливый. Вот с матерью в саду — она обнимает его, а он смеётся, запрокинув голову. Вот семейный праздник, много людей, все улыбаются, и Дэймон в центре, с тортом в руках.

А потом фотографии резко менялись. Те же люди, но другие лица. Мать — бледная, осунувшаяся, с пустыми глазами. Отец — постаревший лет на десять, небритый, злой. И Дэймон — подросток, сжавшийся в углу, глядящий в камеру с такой тоской, что у Ли́ры защемило сердце.

Дальше шли фото, которых, наверное, не должно было быть в семейном альбоме. Похороны. Мать в гробу. Отец, стоящий над могилой с каменным лицом. И снова Дэймон — уже юноша, сжимающий кулаки, с глазами, полными слёз, которые он отказывался проливать.

Ли́ра закрыла альбом. Руки дрожали.

Она вдруг поняла, что ничего не знает об этом человеке. О том, через что он прошёл. О том, что сломало его, сделав таким циничным, таким закрытым, таким холодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.